

ТИНО АЙСБРЕННЕР

ЖУРНАЛИ

НЕМЕЦКИЙ
ПОЭТ В ГОСТЯХ

Тино Айсбреннер

Журавли. Немецкий поэт в гостях

«У Никитских ворот»

2025

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4

Айсбреннер Т.

Журавли. Немецкий поэт в гостях / Т. Айсбреннер — «У
Никитских ворот», 2025

ISBN 978-5-00246-306-0

«Журавли. Немецкий поэт в гостях» - первая книга Тино Айсбреннера, опубликованная в России. В ней он описывает свои впечатления от туров «Музыка вместо войны», которые проходили в Германии, Австрии и Восточной Европе начиная с конца 2015 года; рассказывает о выдающихся людях, с которыми знакомился во время гастролей, анализирует их взгляды на жизнь, родину, историю - всё то, без чего невозможно взаимопонимание, немыслим откровенный диалог. Именно о необходимости диалога через возобновление культурных связей между Россией и Германией говорит немецкий поэт Тино Айсбреннер. И это не только очень смело, но и невероятно важно именно сегодня, в переломный для мира час.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4

ISBN 978-5-00246-306-0

© Айсбреннер Т., 2025
© У Никитских ворот, 2025

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	7
Наутро после...	7
Дружба – значит freundschaft	10
Fluss der Zeit	17
Река времени	18
Москва	19
Белоруссия	22
Белоруссия	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тино Айсбреннер

Журавли. Немецкий поэт в гостях

© Айсбреннер Т., 2025

© Залесская О., Малов Т., Хольм З., перевод на русский язык, 2025

© Айсбреннер Т., Пфайфер К., Дмитриева Е., Струнилина Е., Крапитц Г., Грэзер Т., фотографии, 2025

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2025

Предисловие

Тино Айсбреннер – человек мира. В русском языке это слово имеет два смысла, и каждый из них – про Тино. Я уверен, если бы он родился в начале прошлого века и жил в гитлеровской Германии, то точно оказался бы в антифашистском подполье. Людей, сохраняющих здравый рассудок, желающих мира, понимающих, кто толкает планету в пекло, в Европе достаточно, но тех, кто готов говорить об этом открыто и идти до конца в своих убеждениях, – единицы. Тино Айсбреннер именно из таких, хотя по призванию он не политик и не пламенный борец. Он утонченный художник, артист и музыкант с невероятным эмоциональным диапазоном, чувствующий музыку и текст каждой клеточкой своего тела. И конечно, такой человек не мог не проникнуться русской культурой, русской музыкой и поэзией, не раствориться в них, растворяя попутно всех, кто его слушает. Его «Журавли», переведённые на немецкий язык и исполненные на фестивале «Дорога на Ялту» в Кремле в 2023-м, стали сильнейшим эмоциональным потрясением для всех, кто тогда находился в зале. Вообще, тот фестиваль многое изменил. Наши иностранные гости, я это точно знаю, уезжали домой совсем другими людьми, увозя с собой часть огня, который в них зажёгся в Москве, чтобы делиться этим теплом и светом со своими далёкими зрителями во всех уголках планеты. А те, кто остался, поняли, что наш мир имеет шанс на спасение, пока в нём звучит тихий, но безупречно чистый и твёрдый голос Тино Айсбреннера, проникающий в самое сердце всем, у кого оно ещё осталось. И именно об этом его новая книга.

Эрнест Мацкявичюс

Часть 1

из книги «Песня о мире»

Перевод: Ольга Залесская

Наутро после...

Япытаюсь проснуться и открываю глаза. Пробуждение даётся тяжело, не могу понять, где я. Вероятно, дома? Точно, действительно дома. 09:40 на будильнике, который так и не зазвонил, несмотря на то что сегодня понедельник.

Впрочем, я заслужил это. Через дверь моей спальни на втором этаже прислушиваюсь к звукам. Они долетают до меня из глубины старого сельского дома: холл, деревянные балки, дверь в ванную, лестница, ведущая вниз, ковры, картины, секретер... ничего лишнего. Ну разве что столик и три кресла, одно из которых нагло и бесповоротно захвачено нашим псом, достигшим в свои два года размера шетлендского пони. Именно его храп я сейчас и слышал. Что поделать, псу тоже необходимо восстановиться после четырёхдневного турне. И он наслаждается, как и я, безмятежным чувством безопасности.

Сегодня 5 февраля 2018 года. Заключительный концерт первой части моего турне «Высоцкий. Уэйтс. Брехт» (Wyssotzky Waits Brecht) в берлинском клубе «Культургиссерай Шёнайхе» (Kulturgießereil Schöneiche) начался вчера в 16:00, но мы всё равно закончили очень поздно. Сначала публика долго не желала нас отпускать, а уже после концерта мы, артисты, неторопливо собирали свои вещи, тщетно борясь с медлительностью, ведь мы знали, что расстаёмся со зрителем теперь уже на долгое время. Впрочем, последние два года подобное со мной происходило не раз.

Наш дом сегодня приветствовал меня почти как всегда. И только посудомойка, из которой я доставал чистую посуду, ещё раз рассказывала мне историю нашего совместного завтрака три дня назад, прежде чем мы отправились нести «Музыку вместо войны» в Кемниц, Дрезден и снова Берлин. Немецкий бард пригласил двух блистательных баянистов-соотечественников и свою подругу Ольгу Залесскую, барда из Белоруссии, для того чтобы, противореча любой бизнес-логике, высказать своё отношение к официальному курсу Германии – на двух языках: немецком и русском. Зачем всё это? Возможно, кто-то подумает, что я влюблён в Ольгу Залесскую, и только поэтому мне в голову пришла столь странная идея. Но нет, здесь речь идёт не о такой любви.

Хотя, да, оговорюсь, это всё-таки связано с любовью. С любовью к себе самому, к своей маленькой жизни и большим потрясениям, которые сделали её такой, какая она есть. К потрясениям, которые научили меня думать, чувствовать, жить сердцем и противоречить, если это необходимо, логическим заключениям и прогнозам разума. Так и должно быть! Мужественно, последовательно, изо дня в день. Ведь общество постоянно побуждает нас – и зачастую даже заставляет – заглушать голос сердец и действовать расчётливо. Как мы это вообще терпим? Да очень просто: нас запрограммировали на это – душить интерес в наших сердцах материальными, а теперь ещё и виртуальными благами. И мы терпим всё в погоне за этими удобствами. Иногда ночью, после концерта или долгой поездки на машине, я включаю телевизор, чтобы как-то отвлечься. Чаще всего – в отеле или когда семья в отпуске и я оказываюсь дома один. Сегодня ночью было именно так: я зависал на ЦДФ¹, где философ Рихард Давид Прехт и быв-

---

¹ ЦДФ (ZDF) – вторая программа телевидения Германии.

ший судья Федерального конституционного суда профессор Удо ди Фабио вели в эфире разговор о нашей жизни «под присмотром». И речь шла именно о том, что мы позволяем делать нас тупыми и безмолвными посредством материальных благ.

*Что же это за времена, когда
Разговор о деревьях кажется преступленьем,
Ибо в нём заключено молчанье о зверствах!
Тот, кто шагает спокойно по улице,
По-видимому, глух к страданиям и горю
Друзей своих?²*

Спрашивает не Прехт, а Брехт. И всё же это была общественная попытка «накормить» людей чем-то иным, нежели бесконечные навязчивые «уроки» эгоистического мышления. И я не устану повторять это в полный голос.

Так часто ругаемый и поливаемый грязью социализм, который после апокалипсиса 1945 года проник и в Германию, чтобы помочь хоть какой-то части немцев начать мыслить по-другому, – разве не на его основе был построен более свободный мир, чем мы знали до и после его существования? Разве мы до сих пор не поняли, что основной принцип капитализма – рост за счёт прибавочной стоимости – снова ведёт нас к апокалипсису? Хотя ещё Карл Маркс объяснял, из-за чего капитализм, внушающий человеку постоянное желание иметь всё больше и больше, сам себя изживёт. Можем ли мы в год двухсотлетия со дня рождения Маркса игнорировать правду, доказанную множеством раз, и позволить себе быть усыпленными сладкими обещаниями материальных ценностей? И ведь это ещё не всё! Нет, мы позволяем снова и снова внушать нам старые образы врагов, хотя неопровержимость истории и зов наших сердец доказывают нам обратное. Мало того, что нас хотят убедить: коммунизм был злом и уже потерпел крах.

Мало того, что мы отлично знаем – хотя большинство из нас об этом молчит, – что в мире никогда не было коммунизма, кроме как у первых индейских народов, на социальном мышлении которых Маркс и Энгельс основывали своё видение будущего. То, что выдают нам под маркой коммунизма, было совершенно иным, а именно – социализмом – общественным строем, который Ленин, так сказать, вписал в историю, чтобы подвести людей к коммунистическому мышлению, на самом деле уже держа власть в своих руках. Маркс же, по сути, многое понимал и знал и писал, что коммунизм будет экономически проигрывать капитализму, потому что он изначально отказывается от принципа «выгода любой ценой». Маркс пришёл к выводу, что коммунизм может установиться только сразу во всех странах мира и при условии, что умы людей будут к нему готовы. Но когда большевики под руководством Ленина восстали против несправедливостей царской России и получили поддержку немецкими деньгами и оружием (потому что Западная Европа верила: так она сможет сломить и завоевать Российскую империю), тогда люди поверили в лучшую жизнь – но и они были готовы в первую очередь брать, а не давать, чтобы уйти от бедности, скинуть с себя оковы. «Что делать?» – спрашивал Ленин. При взгляде на Западную Европу и её капиталистический оплот становилось очевидно, что создание капиталистического общества после свержения царя не выведет русский народ из нищеты. Но реализация коммунистической идеи нуждалась в образовании, культуре, работе и достаточном количестве еды.

Люди сначала должны были стать социально обеспеченными и образованными, чтобы вообще понять идею коммунизма... Так в течение пары лет строился социализм, который Адольф Гитлер ненароком, в спешке «импортировал» нам, ведь кто же поверит, что без его

---

² Бертольт Брехт «К потомкам», 1938 г.

попытки покорить Россию социализм мог бы зародиться здесь? А после апокалипсиса снова встал вопрос об альтернативе.

Это всё нам известно! И сегодняшние попытки убедить нас в том, что коммунизм потерпел неудачу, оскорбительны для нашего разума и нашего образования, которое попирается вот уже почти тридцать лет. И снова Европа тянет свои щупальца к богатствам России. И чтобы мы под этим подписались, нам хотят объяснить, что Россия – враг, которого следует бояться. Так же, как это делалось накануне 1914 и 1941 годов. А я? Да, мой разум оскорблён, и я сопротивляюсь, как и раньше, чтобы не быть обманутым. И более того, моя любовь, которая ведёт меня на сцену с программами «Всё это Брехт», «Германия. Зимняя сказка» или «Высоцкий. Уэйтс. Брехт», и тур «Музыка вместо войны» – всё это для защиты наших знаний, полученных в то время, право на существование которого сегодня оспаривается в моей стране. И всё же эти знания необходимы, чтобы не погрузиться в апокалипсис в третий раз. «Знающие всех стран, соединяйтесь!» – так должен звучать боевой клич, и я имею в виду бой, который ведут за сердца, за возможность их открыть. Тот, кому не довелось читать Пушкина, Толстого, Горького, Айтматова, Евтушенко, Симонова или Шолохова, – тот ничего не узнает ни о России, ни о Советском Союзе. А тот, кто никогда не слушал Высоцкого, Окуджаву, Кукина, Визбора, Никитина и других русских великих бардов, – тот не сможет проникнуться идеями единения, а не разрушения. И здорово, что я вырос с Джеком Лондоном, Марком Твенем, Хемингуэем, Стефаном Цвейгом, Нерудой, Дюма, Мопассаном, Бальзаком и Гюго. Вот так!

Вчера после концерта в Шёнайхе³ кто-то сказал мне: «Спасибо за вашу идею, дающую нам шанс снова смело думать и говорить друг с другом». И действительно, мы наблюдали это смелое человеческое общение во время антракта и после нашего концерта. Люди сидели и стояли рядом – часто русские и немцы, – разговаривали, спорили и смеялись. Они обменивались опытом и знаниями о Высоцком, Уэйтсе или Брехте, делились друг с другом историями из жизни и адресами электронной почты, чтобы оставаться на связи. Музыка вместо войны. Три недели мы репетировали и гастролировали, возвращались в мою «Усадьбу четырёх ветров» (Vier Winde Hof), снова репетировали, готовили еду и наслаждались ею, пели, праздновали и говорили на диковинной смеси русского, немецкого и английского.

...Мне нужно отправить в стирку постельное бельё. А потом я вновь вернусь к своему рассказу.

---

³ Шёнайхе (Schöneiche) – место, откуда я родом.

Дружба – значит freundschaft

Счего же, ей-богу, мне начать мою историю? Пожалуй, я просто закрою глаза – и посмотрим, что первым придёт на ум. Вперёд!..

Рольф Херрихт? О! «Моя подруга Сибилла»⁴. Но почему? Ах да, знаю – Чёрное море... Как я люблю этот фильм! Фильм о неловком туристе из ГДР, который заменяет своего друга-экскурсовода в круизе вдоль русского побережья Чёрного моря, в поисках молодой парочки пассажиров опаздывает на свой теплоход и теперь, путешествуя вдоль побережья по следам молодых людей, ищет следующий порт. Эта душевная комедия знакомит с безграничным Советским Союзом, частью которого тогда были и Россия, и Украина, и Абхазия. Герой узнаёт, что такое искреннее радушие, становится свидетелем социалистического роста, танцует на чужих свадьбах желанным и щедро одарённым гостем, путешествует автостопом с солдатами Советской армии в сторону Сочи и, наконец, снова попадает на корабль, где группа немецких туристов второй день с упоением отмечает «корабельный праздник».

Почему я вспомнил именно этот фильм? Потому, что моё внутреннее «я» хочет рассказать о Крыме. Но могу ли я начать именно так? Возможно, мне стоит описать более ранние события, чтобы объяснить, как так получилось, что я, певец Тино Айсбреннер, в конце января 2017 года был приглашён в Крым. Что ж, так и поступлю!

Мой проект «Музыка вместо войны» существует с 2001 года. Он родился из размышлений о том, что, если американцы так неприкрыто лгут, навязывая нам «ось зла», чтобы разжечь в нас воинственные настроения, тогда именно мы, немцы, просто обязаны заявить о наших сомнениях и предложить варианты мирного развития международных отношений. Тогда же, в 2001 году, я решил действовать и стал искать в городе Нойбранденбурге, неподалёку от которого находится моя усадьба, музыкантов среди беженцев из Ирака. Мои поиски увенчались успехом. Коррупция и произвол царили в Ираке. Все, кто боялся за свою жизнь и имущество и у кого было достаточно денег, уезжали в соседние страны, а затем выкупали свои семьи, если тайный побег был невозможен. Основная масса беженцев состояла из семей, скрывавшихся от режима Саддама Хусейна, из семей, вывезенных своими мужчинами за пределы Ирака. Так я познакомился со своим будущим другом Салахом, богатым ювелиром из Багдада, бежавшим от властей Ирака, стремившихся набивать собственные карманы путём преследований и шантажа.

Его сын Навар играл в 2002–2003 годах в моей группе «Дарбука». Атлетически сложенный и невероятно дружелюбный, он был словно персидский принц – идеально подходил на роль представителя «оси зла». В проекте «Музыка вместо войны», наряду с моими немецкими коллегами, были афганцы, болгары и иракцы. Мы вместе гастролировали и были примером того, как могут мирно сосуществовать разные народы. Идея сработала, ведь тогда в Германии и так царило открытое неприятие военных действий американцев в Ираке. «Музыка вместо войны» стала частью движения за мир. 15 февраля 2003 года в Берлине на концертной площадке, установленной между Бранденбургскими воротами и Колонной Победы, я пел на концерте, завершавшем серию демонстраций за мир «Нет войне в Ираке!», для более чем полумиллиона человек. И спасался от холода за сценой в компании трёх великих немецких бардов: Векера, Вадера и Мая. Тогда я был уверен, что своими песнями могу что-то изменить, рассказать людям, взбудоражить их, выразить протест, способствовать строительству «мостов» и мира без оружия. В этом я нашёл себя, моя профессия стала моей судьбой.

---

⁴ «Моя подруга Сибилла» (Meine Freundin Sybille) – комедия производства ГДР о круизе по Чёрному морю на теплоходе «Иван Франко».

Делать политические заявления, будучи деятелем искусства, на мой взгляд, правильно и вовсе не сложно, особенно если есть те, кто с этими заявлениями солидарен. В 2003 году Германия не присоединилась к военной кампании в Ираке – протест возымел эффект. Кроме того, тогда у руля был канцлер, который хорошо помнил, на что обрёл себя, согласившись на участие Германии в войне на Балканах. В этот раз народ сказал операции в Ираке «НЕТ».

Турне «Музыка вместо войны» со временем превратилось в одноимённый многонациональный ежегодный фестиваль – с песнями, лекциями и театральными постановками – в «Усадьбе четырёх ветров», где уже много лет в начале сентября встречаются единомышленники, протестующие против войны и пропагандирующие движение за мир.

И хотя я вернулся в своих воспоминаниях в довольно далёкое прошлое, политически подкованные читатели не только не заскучают, но и не зададутся вопросом: как это всё связано с Крымом? Я повторяю: делать политические заявления, будучи деятелем искусства, на мой взгляд, правильно и вовсе не сложно, особенно если есть те, кто с этими заявлениями солидарен. Но что, если официальная линия правительства и реальная политика, как и общественное мнение и освещение в СМИ определённой темы, совсем не соответствуют тому, что музыкант наблюдает, осознаёт, чувствует и выражает? Что, если даже само движение за мир не может определиться с тем, какие песни петь? И эта неуверенность и неопределённость приводят к разделению целого на части, к появлению тысяч мелких групп, которые, даже несмотря на благородную цель, находят поводы для склок и конкуренции друг с другом? Что, если в социальных сетях на музыканта льётся грязь только потому, что он не просто высказывается по этой теме, но и имеет на её счёт твёрдую позицию? Что, если некоторые поклонники артиста больше не покупают его диски, пишут ему об этом в соцсетях и он узнаёт, что активная политическая позиция становится угрозой его бизнесу и даже зарабатыванию средств к существованию? Что тогда?

Одна из политических тем неожиданно обрушилась на меня в 2013–2014 гг. РОССИЯ. Возможно, кто-то спросит: почему же неожиданно, если эта тема уже давно обозначилась? И я покаянно отвечу: должен признаться, я упустил из виду происходившие события. У меня было невероятно насыщенное десятилетие. Я несколько раз посетил Чили, откуда пригласил в Германию замечательных музыкантов, ставших частью моей группы, и выпустил с ними альбом. С Брехтом и Гейне я вернулся к актёрскому искусству. В очередной раз стал отцом, потом развёлся. Потом последовал сумбурный год одиночества, новая любовь в 2010–2011 годах и свадьба в 2012-м... А на Украине что-то происходило: Янукович, Майдан, Кличко, травля России, Порошенко, гонения на русских в Киеве, горящий Дом профсоюзов в Одессе и несколько десятков погибших, Декларация независимости Донбасса, война! Оцепление Крыма российским спецназом, референдум крымчан – и то, что Запад называет «аннексией Крыма».

Наши СМИ бесятся, политики предрекают последствия. Против России вводят санкции. Все возможные формы диалога между Европой и Россией неожиданно заморожены, а Америка ревёт: «Мы вернём Крым!»

Меня иногда спрашивают: стал бы я вмешиваться, если бы моя жена не была русской? Ну а я всегда отвечаю вопросом на вопрос: внутреннюю позицию обретаешь потому, что есть жена, или обретаешь жену потому, что есть внутренняя позиция? А ведь ещё в конце восьмидесятых у меня намечалась потенциальная русская теща. И ни один немецкий мужчина не может знать, что его ожидает, если он изначально не открыт для той культуры, с которой решил связать судьбу. А что касается моих убеждений, несомненно, между семейным окружением и мировой политикой есть определённая взаимосвязь. Ведь мне была доступна информация с обеих сторон. И если меня чему-то и научило моё ГДР-овское прошлое, то этот опыт вряд ли назовёшь недостатком.

И вот он снова вернулся – призрак холодной войны. Только в этот раз я был на другой стороне: Запад против России, а я уже голос Запада. Но разве право на свободу слова не явля-

ется здесь наивысшим благом? Не ради неё ли в 1989 году в ГДР выходили на улицы? «Свобода слова! Свобода передвижения!» – это были два самых главных требования мирной революции. Это только слова? Нет, конечно нет. Но тот, кто хочет иметь мнение, которое можно свободно выразить, должен кое о чём знать. Что же произошло после того, как Советский Союз вывел из Германии свои войска в 1991-м? В этом же году огромная страна развалилась. На смену Горбачёву пришёл Ельцин, открывший распродажу России и между делом пригласивший для создания российской демократии американских, канадских и западноевропейских советников – тех, кто довольно быстро сплёл сеть законов и контрактов, доведших Россию до экономической и идеологической нищеты. Отношения с Западом ослепляли, ведь он обещал не расширять НАТО на восток. Для нас, немцев, это больше не имело никакого значения. Время от времени в развлекательных программах или на торжественных государственных мероприятиях нам ещё представляли Горбачёва как отца нашего объединённого немецкого счастья, и он с явной охотой брал на себя эту роль в Германии, поскольку на родине к нему относились всё более критически. Когда же ему позволяли говорить, его слова с каждым разом были всё более настораживающими и навязчивыми. Никто не может безнаказанно портить нам, немцам, настроение в момент счастья и свободы, поэтому Горбачёву просто перестали давать слово. Должно же хоть когда-то быть хорошо, верно?

Что было дальше? В Москве к власти пришёл новый человек. Ельцина уже нельзя было показывать, ведь он был старым и вечно пьяным. Пришло время нового поколения, нового лидера – Путина. К радости нашего канцлера, российский президент говорил по-немецки и в социалистические времена работал в Дрездене. А наша Энджи во время учёбы побывала по обмену в Москве, будучи фактически в сопротивлении неправовому государству ГДР. И поэтому теперь уже не имело значения, что Путин был в Дрездене офицером КГБ. Они нашли друг друга, было много дружественных встреч и милых совместных фото, на которых германский канцлер была вне себя от счастья... Здорово. Позор тому, кто усмотрит в этом плохое!

Потом Путин сделал то, что я называю эффектом Альенде. Он проанализировал оставленное Ельциным политическое наследие и обнаружил, что Россия обнищала из-за весьма своеобразных договоров с Западом. Вот пример: если одна из самых богатых нефтью стран в мире может сохранить только 5 % своих нефтяных доходов, а 95 % принадлежат иностранным компаниям и местным олигархам, как это было во времена правления Альенде в Чили с медными рудниками, то это сделка, которая не поможет народу встать на ноги. А Путин был избран, чтобы поднять страну и избавиться от коррупции и мафии, укрепить экономику, повысить уровень жизни народа. В самом начале его президентства 56 % населения России жили за чертой бедности. Что же предпринял он, столь популярный в Германии, молодой и активный друг канцлера? Он расторг большую часть старых договоров с Западом и «сдал карты» заново.

Тут-то и родился новый ВРАГ! Ибо тот, кто беспощадно ограничивает западноевропейскому и американскому капиталу свободу действия, может держать за пазухой лишь камень. Сразу изменился и тон, и политические действия Запада. Расширение НАТО на восток ускорилось. Внезапно страны, бывшие некогда Советским Союзом и тесно связанные экономически с Россией, были поставлены перед выбором – точно так же, как это было со странами восточного блока. Например, Болгария, которую в советское время охотно называли 16-й республикой: отношения между двумя странами были очень тёплыми, ведь Болгария обязана русским своим освобождением от 500 лет турецкого ига. Так вот, Болгария получила предложение: «Хотите в ЕС?» – «Хорошо, мы подумаем над этим». – «Но сначала вы должны вступить в НАТО, а затем мы построим прекрасную ракетную базу в Болгарии с видом на Россию». Так в мгновение ока было уничтожено болгарско-российское братство. Президент Белоруссии, напротив, остался верен дружбе с Россией, поэтому теперь мы с удовольствием называем его диктатором. Пророссийский президент Янукович, конечно же, должен был уйти, чтобы обеспечить Украине тёплое местечко в ЕС, и был заменён на Порошенко – гарант более благоприятного для Запада

климата, при котором можно с успехом лишиться русских доходов, а заодно поставить военных прямо у их порога. Ничего, что российский Черноморский флот с незапамятных времён находится в Крыму? Но Крым же в советское время был отдан Украине! Небольшая головоломка для тех, кто сегодня постоянно твердит, что Советский Союз был создан только вследствие безжалостного захвата русскими других стран, которые восприняли это как должное. Во время развала СССР Ельцину предлагали рассмотреть вариант возвращения Крыма России. А он этого не сделал (и кто же ему это посоветовал?) – лишь договорился, что там останется российский флот. Тогда проблем не было – как и разногласий между Россией и Украиной. Ирония судьбы: Россия и Украина – сёстры, как их всегда называли. Уму непостижимо! А Киев называли колыбелью России.

Ну что ж, политический хаос на Украине был в самом разгаре, на Донбассе разгорелся огонь... Западу оставалось сделать лишь маленький шаг, чтобы завладеть Крымом. В Чёрном море уже стояли корабли НАТО... И вдруг – о ужас! – хитрый ход Путина – и Крым уже под контролем. Он договорился с украинскими военными частями на полуострове о мире. А потом прошёл референдум, и более 90 % крымчан решили присоединиться к России, которой они и так принадлежали. И прекрасный план НАТО потерпел крах! Мы что, в Заливе Свиней?! Аннексия! Международное право! Помогите! Караул!

Запад кипит до сих пор. И журналистка Кроне-Шмальц может сколько угодно объяснять, что понятие «аннексия» здесь неуместно, потому что у него есть чёткое определение, никак к Крыму не относящееся. А Киев грозит тюремным заключением немецкой группе «Скутер» за проведение без его разрешения концерта в Крыму. С тех пор Запад применяет против Крыма санкции, а крымчане говорят... Да, действительно, что же они говорят?

В 2015 году к слогану «Музыка вместо войны» я стал добавлять: «Россия как пример». Это была 70-я годовщина освобождения Германии от гитлеровского фашизма. Конец Второй мировой войны, для России – победное окончание Великой Отечественной. И именно в этом году я должен терпеть, что моя страна плюёт на Россию? Чтобы СМИ опять запугивали людей Россией и её снова официально записали в потенциальные враги? Разве не было у нас, наследников немецкой истории, особенно в этот юбилейный год, обязанности выполнить долг – как минимум сделать возможным непредвзятое и с различных точек зрения рассмотрение фактов? Но как же я мог в этом помочь? Как я мог противопоставить пугалу «оси зла» что-то, что согрело бы сердца и умы людей?

Ответить на этот вопрос для меня было относительно просто. По крайней мере, гораздо проще, чем на вопрос о войне в Ираке, о которой я, в сущности, почти ничего не знал. Ведь о России я знал многое. Все, кто жил в Восточной Германии, знали о России! Нам нужно было лишь вспомнить! Русские сказки, фильмы Бондарчука о войне, русские костюмы, танцы, русская еда, водка и песни, барды, такие как Высоцкий... Стоп! Вот оно! Владимир Семёнович Высоцкий – бард, актёр, народный герой, перед которым дрожало правительство, но в то же время восхищалось им и поддерживало его. Я решил внимательно переслушать его песни и перевести их на наш язык. Ведь что могло быть лучше того, чтобы вместо образа холодного чужака показать русскую душу? Исполненные на немецком языке песни, будоражащие наши души и говорящие с нашими сердцами. Песни, отражающие наши мысли и чувства. Песни, которые могли показать, что мы все были не такими чужими и враждебными по отношению друг к другу, как нам пытаются доказать.

Так всё и началось – с «Песни о друге» Высоцкого. И как только я начал работать с его творчеством, передо мной развернулась целая вселенная. Ведь есть множество великих бардов с потрясающими песнями: Окуджава, Кукин, Визбор, Никитин, Киреев... Список бесконечен. У меня уже был подобный опыт работы с песнями в Латинской Америке, поэтому в этот раз я был последователен. Шаг за шагом рождалась программа с песнями русских бардов на немецком, а потом начались и выступления. Меня заметил коллега по цеху Павел Г. и пригла-

сил принять участие в его музыкальной программе «Рустальгия». Я знакомился с новыми песнями, которые переводил на немецкий. На протяжении полугода мы были хорошей командой, несмотря на то, что мой партнёр в гораздо большей степени пользовался моими организаторскими способностями, чем организовывал наши выступления сам. Но я и не особо рассчитывал на него в этом плане. Меня поразил его страх перед выражением чёткой политической позиции. Это в конце концов и разделило нас. На мой взгляд, осторожная тактика здесь неуместна, иначе теряется смысл послания. Тем не менее, будучи главным гостем летнего германо-российского фестиваля 2016 года, я предложил ему ещё раз выступить со мной.

Как и русско-украинский фольклорный ансамбль Towa Yowa. На самом деле он называется «Полынушка». Когда мы познакомились, музыканты коллектива показали мне идеальными партнёрами, ведь они отвечали на русско-украинский конфликт русскими и украинскими песнями. Их страстью было путешествовать по русским и украинским деревням и собирать фольклор. Разыскивать песни, которые сегодня уже забыты, записывать их и переносить таким образом древнее культурное наследие в настоящее. Невзирая на большую политику. Мы сразу же понравились друг другу и строили совместные планы. Главной песней нашего первого проекта стала «Переведи меня через Майдан». Слово «переведи» может означать «переведи» (на другой язык) и «переведи» (куда-то). Призыв, которому уже последовала Юнна Петровна Мориц, переведя в 1970 году украинское стихотворение Виталия Коротича «Последняя песня старого лирика» на русский язык. Известным оно стало после того, как известный бард Сергей Никитин переложил его на музыку. Эту песню пел весь Советский Союз. Именно её, песню Сергея Никитина «Переведи меня через Майдан» на стихи Виталия Коротича в переводе Юнны Мориц, я хотел переложить на немецкий язык для нас, немцев, ежедневно слышащих от Украины лишь слово «майдан».

И у меня получилось. Я не просто создал немецкую версию русской песни. Я обратился к моему тестю – урождённому лужицкому сербу, понимающему и серболужицкий, и русский, и, что самое интересное, – украинский, с просьбой донести до меня смысл украинского оригинала.

В итоге создателями моего «Майдана» стали три поэта разных национальностей, родилась украинско-русско-немецкая песня, потому что автор каждой версии внёс в текст свои мысли. Так, в заключительных строках моего варианта говорится:

*Как океан,
Широким таким казался Майдан.
Дай руку мне, рассеется туман.
Мы часто ведём того, кто не видит сам.
Но когда он упал, ничего не стало,
Что за Майданом осталось.*

В оригинале речь идёт о лирике, который хочет, чтобы его перевели через Майдан, столетиями бывший местом торговли и собраний. Тут стоит упомянуть, что лирики часто были слепыми и зарабатывали на жизнь игрой на лире и пением. Конечно, метафора слепоты лирика как слепоты людей на Майдане в 2014 году была очень важна для меня, как и для всех немцев, которые слышали эту песню.

Я заметил, что «Полынушка» всегда приезжала в одном и том же составе. На наши совместные выступления обычно приходили Вероника, Лиза, Дениза, Илья и Андрей. Когда между нами установилось полное доверие, ребята рассказали мне о конфликтах, возникших в их ансамбле из-за меня. Далеко не все разделяли политическую идею мира, которую я представлял, а именно – идею улучшения отношений между Россией и Германией. А что же Украина? Я ответил, что попросил «Полынушку» о совместной работе именно потому, что желаю

гармонии и мира и для Украины. Но пятерых людей, имена которых я назвал выше, и не нужно было убеждать: они и так меня поддерживали. Однако был ещё один нюанс: коллектив был создан для того, чтобы разучивать и исполнять старинные аутентичные народные песни. Сейчас же артисты вместе со мной работали над образцами советского песенного наследия. Моя натура всегда нуждалась в подобном смещении всего и со всем. Нужно сказать, что со стороны публики наблюдалась порой некоторая враждебность. Мол, чего это они стоят тут в украинско-русских народных костюмах и вместе с этим типом агитируют со сцены за «Левых»?! Эй, послушайте, «Левые» – это единственная партия, которая открыто празднует Международный день борьбы за мир, и на таком мероприятии должно звучать наше обращение, наши песни. Но пятерых, которых я назвал, не нужно было убеждать – они и так были со мной.

Конец истории, вернее, начало Towa Yowa был таков: те пятеро выбрали себе новое название для нашей совместной работы, и с тех пор, как только подворачивается случай, я работаю с ними. А альбом 2017 года NOVEMBER стал нетленным тому свидетельством. Как и работа с Ольгой Залесской, автором-исполнителем из Минска, которую очень рекомендовал в письме от атташе по вопросам культуры посольства Беларуси. Он был на моём концерте «За мир» в Русском Доме в Берлине, в ходе которого вспомнил свою знакомую – автора-исполнителя из Минска, – мысли и действия которой были, по его мнению, очень схожи с моими. Конечно же, я захотел познакомиться с Ольгой, и это произошло 9 мая 2016 года у мемориала советским солдатам в Трептов-парке в Берлине.

В белорусском посольстве я познакомился с Эдуардом Птухиным, осетином и бывшим гражданином Советского Союза, исповедующим православие, офицером, воевавшим в Афганистане. Эдуард уже несколько лет живёт в Берлине, занимается строительным бизнесом, а также руководит обществом Obelisk Internationale. V., которое борется за увековечивание личной памяти солдат, захороненных в братских могилах, и устанавливает мемориальные таблички. Эдуард делает это не только для советских воинов: также он находит братские могилы якобы неизвестных немецких солдат, хотя в документах есть все фамилии. Его работа непростая, ведь в Германии очень серьёзно относятся к охране исторических памятников, особенно таких, как мемориал советским солдатам в Трептов-парке, и никому, даже такому обществу как «Обелиск», не разрешают устанавливать мемориальные таблички с именами и личными данными солдат.

Эдуард – очень приятный и проницательный человек, и ему не составило труда убедить меня спеть 9 мая у мемориала в Трептов-парке. Туда же атташе по вопросам культуры Белоруссии Алексей Жбанов пригласил и автора-исполнителя из Минска Ольгу Залесскую. Она опоздала на моё выступление с другом, баянистом Хайнером Фрауэндорфом, не застала она и ансамбль Towa Yowa, но зато привезла с собой украинского автора песен Сергея Джигурду и своего азербайджанского друга Алексея Галыбина. Оба они жили в Москве, и в них ещё бились старые советские сердца, о чём я узнал в первый же вечер. Мы быстро познакомились, и Эдуард повёл нас туда, где находились братские могилы. В течение двух дней «Обелиск» проводил здесь акцию: школьники рисовали на листах бумаги подобие мемориальных плит, записывали имена, фамилии, воинские звания и годы жизни погибших солдат. Эти цветные листки они прикрепили прищепками на натянутую вокруг могил верёвку. Люди зажигали свечи. Этим вечером, 9 мая, царила торжественная тишина, а меня не покидали мысли о том, что я прочёл на листовках-надгробиях. Многим из павших советских солдат не было и двадцати. Кто-то погиб 7, 8 или 9 мая 1945 года – то есть за несколько часов до или даже после окончания войны, после невероятно тяжёлого похода на Берлин. Тысячи километров сквозь войну, рискуя жизнью, сражаясь, убивая и спасая жизни, испытывая душевные страдания – и погибнуть здесь, в Берлине, когда уже был подписан акт о капитуляции. Внутри меня всё сжималось – это была смесь грусти, ужаса и гнева. Ольга, с которой я был знаком всего несколько часов, видимо, всё это время наблюдала за мной, за тем, как я боролся с подступающими слезами. Неожиданно

она взяла меня под руку и сказала по-русски: «А сейчас пойдём выпьем. Ты же ещё не знаешь – я врач». Она засмеялась, и у меня на душе вновь стало светло.

Белорусское посольство находится совсем недалеко от парка и мемориала, как и квартира помощника консула Жбанова, поэтому он пригласил нас заглянуть к нему. Азербайджанец, украинец, белоруска и я сидели в маленькой кухне холостяцкой квартиры атташе по культуре, и я замечал, как Ольга совмещала в себе все возможные роли: начальницы, матери, подруги, возлюбленной. Насчёт последнего: она, смеясь, обнимала и целовала то одного, то другого, а очень скоро – и меня. Неожиданно она дала мне в руки гитару и сказала: «Тина (по-русски „о“ на конце моего имени всегда произносится как „а“), спой нам что-нибудь. Мы же пропустили твоё выступление». Мне стало неловко: во-первых, мы, немцы, в принципе редко поём за кухонным столом, а во-вторых, на тот момент я всего лишь год играл на гитаре и ещё боялся инструментов, с которыми не был знаком. Но тогда я решил не показывать этого, поэтому взял гитару и спел две баллады. Когда же я протянул её обратно Ольге, она сказала на русском, обращаясь больше к остальным: «Один из нас». С этого момента я обнимался со всеми, мужчины произносили один тост за другим, бутылки с водкой пустели, а стол всё время наполнялся всем, чем был богат холодильник дипломата. Эта весенняя ночь была полна впечатлений. В октябре должен был состояться тур Мира, в этом мы с моими новыми друзьями были единомышленники. Белоруска, украинец, азербайджанец, русский, чех, поляк и я, немец, поедем вместе через Восточную Европу с песнями Высоцкого и Окуджавы, переведёнными на семь языков. За мир, друзья! Дружба!

Я хочу рассказать о Крыме. Но ещё не пришло время.

Fluss der Zeit

Тино Айсбреннер

Wenn man jung ist, sind die Träume
Klar erkennbar ofef ne Räume
So greifbar nah und keinesfalls zu groß
Man befährt die sieben Meere
Um fremder Könige Galeere
Zu entern mit'm selbst gebauten Floß

Und die Träume schwimmen fort
Und das Leben bricht sein Wort
Und es weint und schweigt und lacht dabei
Als ob nichts weiter sei.

Wenn die erste große Liebe
Ein für alle Mal uns bliebe
Lägst Du heute Nacht nicht neben mir.
Hätt' mein Herz mit all den Wunden
Nicht zu guter Letzt gefunden.
Hab nie gewagt zu träumen so von Dir.

Und es rauscht in Duldsamkeit
Hinterm Haus der Fluss so breit
Der dahin gegangenen Liebeszeit
Zum ewigen Geleit.

Und die Träume schwimmen fort
Doch das Leben hält noch Wort
Und es weint und schweigt und lacht dabei
Als ob nichts weiter sei.

Irgendwann sind all die Träume
Scheinbar fest verschlossene Räume
So greifbar nah, doch irgendwie zu groß
Man befährt die sieben Meere

Auf fremder Könige Galeere
Und sucht am Horizont nach einem Floß.
Beginnt mein wundes Herz zu heilen
Lernt der Fluss noch zu verweilen
Bleibt die Zeit noch manchmal für uns stehen?

Река времени Тино Айсбреннер

(перевод: Сергей Джигурда, Пётр Абрамов)

Время юности беспечно:
Мир открыт и бесконечен,
Зовёт мечта нас, и влечёт кураж
Семь морей открыть однажды
И на кораблике бумажном
Имперский флагман взять на abordаж.

Но неведомо куда
Уплывает прочь мечта,
Без которой жизнь навсегда
Останется пуста.

Если б мы с любовью первой
Не расстались, то, наверно,
Я тебя бы вряд ли повстречал.
Только сердцем одиноким
О тебе, такой далёкой,
Мечтал и тосковал бы по ночам.

Терпелива и тиха,
Вьётся времени река
От истока и до берега,
Как память глубока.
Но неведомо куда
Уплывает прочь мечта,
Без которой жизнь навсегда
Останется пуста.

Через время и преграды,
Может быть, куда-то рядом
Зовёт мечта нас юная опять.
И плывём в седьмое море,
Чтобы однажды на просторе
Бумажный свой кораблик отыскать.

Больное сердце исцелится,
Ведь река хотя и длится,
Время не умеет литься вспять!

Москва

Ольга Залесская, моя новая коллега из Минска, деятельная женщина. Не успели мы в мае познакомиться и поговорить о моём участии в международном турне осенью 2016 года, как она удивила меня ещё одной идеей, а именно приглашением приехать в Белоруссию на один особенный фестиваль – «Большую бард-рыбалку». Три дня где-то на просторах Белоруссии, возле большого озера, в огромном лесу. Долго уговаривать меня не пришлось.

И так как мы с чилийским музыкантом Эрнесто Виллалобосом Саламанкой (Ernesto Villalobos Salamanca) как раз были приглашены Фондом Розы Люксембург и планировали поездку в Москву, я предложил Ольге наш совместный приезд. Эрнесто очень много путешествует, но новость о том, что ему предстоит поездка в Москву, и потом сразу в Беларусь, его всё же взволновала. И для меня эти четыре дня в Москве должны были стать первыми спустя, как минимум, двадцать пять лет. Тогда ещё существовал Советский Союз.

Мне было очень интересно, насколько изменился город.

Вопросом виз занялся Фонд Розы Люксембург. Я тогда ещё не понимал, каких проблем я избежал благодаря ему. Чтобы путешествовать в страны, где необходима виза, всегда требуется куча бумаг. Если визы нужны для целой группы и при этом ты живёшь не в Берлине, то каждый раз нужно проезжать 160 километров до посольства и обратно... Придёт время – и я прочувствую это всё на себе. Но для этой заграничной поездки мне нужно было всего лишь отнести два наших паспорта в Фонд – остальное происходило само собой. Оформление документов совпало с моим выступлением на германо-русском фестивале в Берлине, которое было центральным событием в рамках этого фестиваля, и я полностью сосредоточился на нём. За все годы фестиваля здесь ещё не было ни одного настолько тесно связанного с Россией немецкого выступления, какое планировал сделать я: с русскими песнями, переведёнными на немецкий язык, с группой сильных музыкантов и русскими гостями на самом выступлении. 10 июня 2016 года мой замысел должен был осуществиться, и волнующий концерт перед пятью тысячами русских и немцев должен был помочь их сердцам зазвучать в унисон. Политическое послание было услышано и вызвало сильный резонанс. И никто тогда не мог и подозревать, что это будет последний германо-русский фестиваль. Но наш концерт запомнился надолго.

Через две недели мы с Эрнесто сели на самолёт в Москву. Мой амиго был в восторге уже от того, что это был самолёт «Аэрофлота», и с энтузиазмом фотографировал обивку кресел и журналы, на которых был логотип авиакомпании или просто русские буквы.

Так как руководство Фонда и политики «Левой партии» тоже летели в Москву, экономить никто не стал, и номера заказали в знаменитом отеле «Метрополь», где останавливалось множество исторических личностей. Важными для меня среди них были Бертольт Брехт и Пабло Неруда, которые, к сожалению, никогда не встречались друг с другом.

Хоть я уже и бывал в этом городе, новые виды Москвы меня восхитили. Когда я был здесь впервые в 1985 году, меня поразили её размеры и, конечно же, осознание того, что я нахожусь в сердце мировой державы. В начале девяностых, когда я записывал здесь альбом «Добро пожаловать в этот мир», меня напугала бедность, которая неожиданно захватила город. Люди выглядели обеспокоенными, и я часто наблюдал жёсткие дискуссии на улице или возле магазинов и госучреждений. И – на контрасте – то, что я увидел сейчас, было фантастикой. Весь центр города выглядел потрясающе, всё светилось в своём великолепии, улицы были полны вовсе не дешёвых машин, и вишенка на торте – невыносимо красивые женщины. Весь центр казался одним большим подиумом. У нас с моим латиноамериканским другом каждые пару метров буквально глаза лезли из орбит. Что здесь вообще произошло? Конечно, в России всегда были красивые женщины, но зачастую они были склонны к полноте или имели какую-то странную манеру краситься. Сейчас ни о том ни о другом не было и речи. В первый же вечер

мы с Эрнесто решили игнорировать всю эту красоту, чтобы не выглядеть глупо, как провинциалы. Больше никаких «Ого, смотри!» или «Ничего себе!»... Мы просто молча пропускали мимо себя несущийся поток прекрасного. Весна, конечно же, усложняла и без того нелёгкую задачу, но мы справились. И только иногда во время наших походов по городу один из нас тяжело вздыхал – и сразу становилось понятно, в каком направлении второму сейчас не надо было смотреть.

Конечно, Эрнесто хотел увидеть легендарное московское метро, и уже в первый день мы катались на нём по городу вдоль и поперёк: от одного вокзала к другому, выходили, пересаживались там, где хотели, и фотографировали всё, что вызвало у нас восторг. Станции метро – это подземные тематически оформленные дворцы. Они выглядят как музеи, и на то, чтобы их осмотреть, нужно время. Этим, конечно же, занимаются исключительно туристы, и не только с Запада. В основном это гости города, приезжающие из разных концов огромной России, бывших советских республик или Китая. Для всех посещение метро просто обязательная программа.

По случаю вступления в должность руководителя Фонда Розы Люксембург Керстин Кайзер состоялся дружеский ужин в грузинском ресторане. Здесь судьба свела Эрнесто с другим русским потоком, который он решил игнорировать, – потоком водки. Я же, почти не пьющий, но имеющий определённый опыт знакомства с водкой, не пропускал ни одного круга, и тосты звучали один за другим, а еда была восхитительна. Время от времени к музыканту подходила очаровательная дива и пела грузинские песни – гордо и страстно. Наш стол это никак не смущало: все продолжали громко болтать и ждали следующего тоста, так как из-за громкой музыки всё равно ничего не было слышно. Нам, музыкантам, было немного неловко из-за такого отношения к коллегам, поэтому мы старались внимательно слушать певицу, что в нашей весёлой компании было непросто.

На следующий день в зале Фонда проходило официальное мероприятие, где мы выступили сами и потом аккомпанировали Керстин Кайзер, которая, будучи не только политиком, но и музыкантом, хотела показать и эту свою сторону новому коллективу. И хотя позже СМИ говорили о «Керстин Кайзер и её музыкантах» и на всех видео показывали только её, меня это не задело, ведь я хотел продолжать сотрудничество с Фондом Розы Люксембург. Но и на случай, если этого бы не произошло, у меня были свои планы. К примеру, в один из дней я дал интервью Russia Today. Во время него мы гуляли возле Кремля, между «Метрополем», памятником Жукову и почётным караулом, исполняли Высоцкого на немецком, и я говорил о необходимости улучшения отношений между Россией и Германией. Я также высказал своё мнение о том, почему эти взаимоотношения сейчас хромают. Потом мы вместе со съёмочной группой пошли обедать и продолжили беседу о политике. Нам рассказали о развитии столицы за последние десять лет и посоветовали обязательно выехать за пределы центра и посмотреть настоящую Москву, чтобы получить действительно полное представление о городе. Мы с Эрнесто решили оставить это на последний день и после великолепного завтрака в «Метрополе» доехали на метро до конечной станции, на которой пересели на электричку, доставившую нас на окраину города. Я забыл, куда нас тогда занесло, но да – там сохранилась именно та Москва, которую я видел прежде. Там тоже стояли новые небоскрёбы, но они возвышались над типичными пятиэтажками, в которых живут не самые богатые москвичи. Тесные квартиры, где кухня – самая обитаемая комната, а санузел – отдельный. Я заметил, что и здесь, вместо печали девяностых, царит спокойная суета. Тут на улицах ещё стояли маленькие старые киоски, которые при ближайшем рассмотрении оказывались булочной, ларьком с мороженым или магазином с тканями. К нашей радости, там же нашёлся большой крытый рынок, по которому мы бродили два часа, просто наблюдая за его суетой. Мы купили там какую-то мелочь, а потом гуляли в близлежащем парке, фотографировали всё подряд и болтали с женщиной, сидевшей

на скамейке. Она не могла сдержать своё любопытство: откуда мы и кто такие? Блондин Тино и смуглый латиноамериканец – и как же ей было интересно узнать, что нас сюда привело!

Белоруссия

Июль 2018 года, где-то в лесах Белоруссии вблизи города Могилёва. Деревня называется Проточное, и она ещё меньшего размера, чем мой маленький немецкий Плат (Plath). Если бы можно было убрать пару современных каменных домов, здесь всё выглядело бы как в русской сказке, поскольку большинство строений возле огромного озера, окружённого густым лесом, – из дерева и им как минимум лет сто пятьдесят. Они в хорошем состоянии: двери, подоконники и деревянные наличники раскрашены в яркие цвета – зелёный, бирюзовый, красный или жёлтый. У некоторых домов есть небольшие веранды. Иногда можно увидеть какую-нибудь бабушку, сидящую на крыльце, отдыхающую от повседневных хлопот и приветливо кивающую головой (при этом не меняя ни позы, ни выражения лица) в знак разрешения сфотографировать её дом. Таких старушек в Проточном осталось очень мало, а молодёжь приезжает сюда только отдохнуть на выходные. Тут выращивают овощи и фрукты для своего стола, встречаются с родными и друзьями, чтобы отдохнуть, выпить и попеть. И самое главное здесь – это баня, которую начинают топить сразу же по прибытии. Её замечательный запах стоит потом по всей деревне.

Чтобы вечером было что приготовить на гриле, мужчины отправляются к берегу озера, находящегося недалеко от дома, или садятся в лодку и забрасывают свои удочки. Здесь ловят щуку, которая в этом водоёме просто невероятных размеров. И если на ужин подают рыбу, то за столом течёт нескончаемым потоком и особенная вода – водка. Местные жители прощают, если, говоря о Белоруссии, ты говоришь – «Россия». Я слышу, как чаще всего белорусы говорят друг с другом на русском. Они чувствуют себя связанными с Россией и до сих пор не позволили ни одному западному «экспортёру демократии» их от этого отговорить.

Я уже третий раз в этой стране, и сейчас я приехал даже с женой, детьми и собакой. Приняв во второй раз приглашение на фестиваль «Большая бард-рыбалка», мы заранее запланировали две недели отпуска на озере. Я хотел воспользоваться случаем и в здешнем спокойствии и тишине написать пару глав моей книги. И что же лучше, чем белорусский воздух, могло мне помочь рассказать о моих впечатлениях и о том, что я увидел в этой стране? Всё началось с того, что моя коллега и сестра «по сердцу» Ольга Залесская в мае 2016 года рассказала мне о фестивале, на котором она уже несколько лет поёт и программу которого составляет.

Белоруссия

Эпизод первый. «Бард-рыбалка»

«Ага, – подумал я, – сейчас точно последует приглашение в Белоруссию». На тот момент мы с Ольгой были знакомы всего пару часов и выпили много спиртного, повлиявшего на наш разум и язык, поэтому я не знал, превратится ли её идея пригласить меня на фестиваль, рождённая в эйфории, в настоящее предложение. Однако через две недели приглашение действительно лежало у меня на столе. В последние выходные июля того же года я должен был выступить на фестивале «Бард-рыбалка». Ура! Мне предложили доехать на поезде до Варшавы, чтобы там присоединиться к другим участникам фестиваля из Польши и Словакии, и с ними поехать на машине в Белоруссию.

Вот только моя подруга Ольга ещё недостаточно меня знала. Конечно, за 35 лет творческой жизни я, как музыкант, часто ездил куда-то с кем-то на машине. Но я не мог со всем своим багажом (чемодан с оборудованием, чемодан с вещами, барабан, гитара, пульт для нот и подставка для инструмента) сесть на поезд, да к тому же сделать несколько пересадок, чтобы добраться до нужного места. Это не имело ничего общего с тем, как я привык ездить в музыкальное турне, и я был вынужден сказать такому плану Ольги нет. Я помню тур JESSICA 1985 года и выступление в городе Соколове (Чехия), куда мы добирались на поезде. Мы таскались по каким-то вокзалам, таксисты не знали, что им делать, и так далее. Тогда нам было по 23 года, мы ещё не имели своих машин, и всё, что было связано со словом «турне», казалось нам большим приключением. Но сейчас мне 53 и у меня замечательный Renault Espace. Кроме того, я хотел взять с собой и моего чилийского друга и музыканта Эрнесто, с которым я до этого ездил в Москву; мы с ним уже были командой. И мы решили, что те, с кем я должен был встретиться в Варшаве, могли бы присоединиться и продолжить путешествие с нами.

Я даже и не подозревал, сколько радости вызовет это моё встречное предложение, ведь пассажиры, которые должны были ехать со мной после корректировки плана, были заядлыми любителями выпить и необычайно обрадовались тому, что их будет везти немец. Коллега Яцек Бешчинский (Jacek Beszczynski) предложил, чтобы мы заехали за ним в город Торунь, но я настоял на том, чтобы он добрался на поезде до Варшавы, которая, в отличие от Торуня, находилась непосредственно на моём маршруте в Брест.

В день отправления я рано утром забрал в Берлине Эрнесто, и мы в хорошем настроении поехали в Варшаву. Туда мы должны были добраться к вечеру и переночевать у коллеги Антони (Толека) Мурацкого (Antoni (Tolek) Muracki). Там же должны были встретиться с чехом Йиржи Вондраком (Jiri Vondrák) и русским Алексеем Кудрявцевым (Alexey Kudryavtsev). Я очень ждал этой встречи, ведь эти двое и Тoleк должны были принять участие в турне «Музыка вместо войны», которое мы запланировали на октябрь. С украинцем Сергеем Джигурдой, азербайджанцем Алексеем Галыбиным и Ольгой Залесской из Белоруссии я уже был знаком. Нам семерым предстояло посетить шесть стран, и каждый должен был исполнять песни Высоцкого и Окуджавы на своём родном языке в собственном переводе. На фестивале «Бард-рыбалка» нам предстояло встретиться, и там должен был состояться наш небольшой дебют.

В восьмом часу вечера мы с Эрнесто добрались до дома Толека Мурацкого в Варшаве. Нас встретил коренастый харизматичный мужчина с седой косичкой. Его восторженное приветствие было прервано подъехавшими почти одновременно с нами двумя другими машинами – из Брно – с четырьмя друзьями на борту. Алексей Кудрявцев – симпатичный молодой человек в льняном костюме, как Дон Джонсон. Йиржи Вондрак – уже немолодой мужчина поколения хиппи, приятной внешности, со светлыми с проседью волосами до плеч, зачёсанными назад. У Франтишека – друга Вондрака – была такая же причёска. Венгерские усы и тельняшка

придавали ещё более угрожающий вид его крепкому телосложению – он был похож на удалого грабителя. Но к счастью, его лукавый и добрый взгляд выдавал в нём мягкость. Рядом с Франтишекком была красивая и хрупкая Павлина, которая выглядела как студентка, смягчая нежностью образ своего мужчины. Они были неравной парой, но, как я узнал позже, жили в полной гармонии друг с другом.

Мы поздоровались с супругой Толека и прибывшим до нас Яцеком, в основном находившимся на балконе, поскольку он был заядлым курильщиком. После всех приветствий началось настоящее торжество славянского гостеприимства: на кухне работали все конфорки на плите и духовка, а из кладовки несли на стол всё, что только можно. Толеку взбрела в голову идея научить моего друга Эрнесто Виллалобоса Саламанку пить водку. Идея совершенно бесполезная, ведь ведущий здоровый образ жизни молодой чилиец точно знал, когда ему нужно сказать: «Спасибо, нет!» – при этом не обидев поляка. Я же заметил, что хозяин дома сам ничего не пил и лишь время от времени чокался стаканом с пивом. Этим он напомнил мне моего московского друга Олега, у которого в доме алкоголь тёк рекой, но при этом сам он не пил вообще. Да и мой индейско-мексиканский друг Ксоконоштлетл (Xokonoschtletl) вёл себя так же. Поэтому поведение Толека меня совсем не удивило.

Воспоминания об этих посиделках стали одними из самых тёплых, связанных у меня с Польшей. Вечер вышел не особо долгим, поскольку мы хотели на следующий день как можно скорее оказаться на белорусской границе. В какой-то момент мы рассредоточились по дому Мурацких; немного поспав, вовремя поднялись, чтобы поскорее двинуться в путь. Мои пассажиры Толек и Яцек разместились сзади, Эрнесто остался сидеть справа от меня. Толек показал хорошее знание местности, безошибочно сообщая в самый последний момент о необходимости повернуть, и хорошее владение английским, крича едущим впереди машинам на каждом светофоре в момент переключения с красного на зелёный: «Go, go, go!» Спустя годы Эрнесто во время наших поездок в самый неподходящий момент будет имитировать «Go, go, go» Толека. Вот так некоторые вещи сразу находят своё место в сленге группы, и избавиться от этого совершенно невозможно.

Было примерно 10:30, когда мы добрались до границы. Мы покидали Европу – но это не совсем верно. Мы покидали то, что называем Европейским сообществом. По ту сторону границы – самые большие страны Европы, а если говорить о России, то и самая большая страна в мире. Правда, все эти государства мы не считаем частью Европейского сообщества, что они с сожалением принимают, пожимая плечами.

В сравнении с некоторыми странами Польша крохотная, но на границе она ведёт себя величественно и важно. Стражи порядка хорошо вооружены и настолько мужественны, что могут ходить только враскоряку. Все кто желает пересечь границу, вынуждены стоять на светофорах до тех пор, пока им не определят нужную полосу, на которой нужно ждать у соответствующего пропускного пункта. Наши чешские друзья оставили одну из машин в Варшаве и стояли прямо перед нами. После того как мы передали наши документы пограничнику и тот увидел чилийский паспорт, нам предложили отъехать в сторону. Поэтому нам пришлось с лёгкой завистью наблюдать за тем, как часть нашего кортежа с друзьями из Чехии проехала мимо пограничной будки и исчезла вдали. Я порадовался, что с нами в машине ехали два поляка, потому что ни на одном другом языке, кроме своего родного, пограничники говорить не могли, а может и не хотели. Примерно через полчаса оплот Европы решил, как ему нужно поступить в этом особенном случае. Нам объяснили, что наш «латино» должен пройти в главное здание погранслужбы, потому что там ожидают специалиста, который проверит его паспорт. Но так как этот человек был востребован на всех пограничных постах польско-белорусской границы, его надо было сначала сюда вызвать. Почему Эрнесто не мог ждать с нами в машине, нам так и не сказали. Как я позже узнал от него самого, его действительно отвели в отдельную комнату со столом и двумя стульями и оставили там одного ждать этого «специалиста». Мы же оста-

лись снаружи. А ведь это был конец июля, и на улице было примерно 28 градусов. Полуденная жара царила везде – и на улице, и в здании погранслужбы, где сидел наш «латино» в полном одиночестве без капли воды и задавался вопросом, не пересекли ли мы уже границу без него. Спустя примерно два часа ожидания моё терпение лопнуло. Я вынудил Толека пойти со мной в здание погранслужбы и устроить там восстание. Наши документы в полном порядке, и мы хотим наконец-то покинуть эту страну. Причём все вместе!

Хорошо вооружённый польский пограничник не очень-то нам обрадовался. Но Толек пустил в ход свой темперамент и забрасывал пограничника многочисленными аргументами, пока тот не открыл стальную дверь и не удалился для совещания с коллегой. Спустя несколько минут вернулся, полистал паспорт Эрнесто, спросил, знает ли он дату своего рождения, и отправил его к нам.

На следующий день, рассказывая об этом происшествии на фестивале, мы слышали от одного опытного путешественника, пересекавшего не раз польско-белорусскую границу: «Да вы что, эти бедные польские пограничники наверняка были расстроены не меньше вашего, потому что никому из вас так и не пришла в голову идея подкинуть им полтинничек евро. Тогда бы вы прошли границу за 10 минут».

Всю польскую напыщенность путешественники ощущают на контрасте с белорусами, оставив позади мост через приграничную реку: всего один пограничник перед постом и ещё один внутри. Вежливо и с хорошим настроением он поприветствовал нас и проверил паспорта. Заглянув в багажник моей машины, пограничник сразу догадался, что мы музыканты, а наш интернациональный коллектив вызвал у него интерес, и он стал с любопытством расспрашивать, кто мы и откуда. Но его вопросы не звучали как допрос, а объяснялись личным интересом к нам. Мы охотно рассказали ему, почему мы все здесь и куда держим путь. С сожалением нам пришлось закончить этот приятный разговор, чтобы не задерживать следовавшие за нами машины. Далее – на таможенную. Необходимые документы были переданы без задержек и неприятностей, и вскоре мы оказались на подъезде к Бресту – пограничному городу Белоруссии. Здесь нам нужно было решить вопрос платы за проезд.

Если в других странах принято покупать виньетку, действительную на определённый срок, то в Белоруссии к оплате относятся с большей аккуратностью, несколько усложняющей процедуру. Отвечающая за это компания называется BelToll⁵, она продаёт путешественнику небольшой прибор, который необходимо закрепить на лобовом стекле машины; при каждой регистрации на платных дорогах он издаёт звуковой сигнал. Чтобы получить такой прибор, надо подъехать к будке из гофрированной стали, в которой летом невыносимо жарко, где дама за стойкой просит спрогнозировать расстояние, которое вы предположительно проедете по Белоруссии. К счастью, со мной были уже опытные поляки, знающие, сколько километров от Бреста до места проведения «Бард-рыбалки». После оплаты счёта началась невероятная бумажная война, во время которой от меня потребовалось около пятнадцати подписей. Но в какой-то момент и это закончилось, а поскольку часы сказали нам, что мы пропустили обед, мы зашли в ресторан, перед которым была припаркована моя машина. Там уже два часа нас ждали чехи и Алексей, сытые, довольные и страстно желающие услышать историю нашего пересечения границы. Мы ели вкусную русскую еду, а наши поляки заказывали пиво и водку.

Рядом с рестораном и будкой BelToll находилась заправка, обмен валюты и небольшой супермаркет, в который Толек решил заглянуть перед отправлением. Около 15:30, когда мы наконец готовы были продолжить наше путешествие, Толек вернулся из магазина с двумя пакетами пива, вина и водки и с восторгом снова занял место в машине. Я наконец-то понял: с пересечением границы он не только получил доступ к более дешёвому спиртному, но и покинул сферу влияния своей жены. Чем дальше мы продвигались вглубь Белоруссии, тем веселее

---

⁵ BelToll – система электронного сбора платы за проезд в Республике Беларусь.

становились наши польские товарищи на заднем сиденье. Мало того, в какой-то момент они стали разговаривать так громко, что нам с Эрнесто самим пришлось замолчать, потому что мы перестали слышать друг друга, – это было возможным только в том случае, если бы мы тоже кричали. Однако, оставив это для чрезвычайных случаев, мы ограничились красноречивыми взглядами и простыми жестами, привлекающими внимание собеседника к особенностям ландшафта, угрозам опасности или объявленным изменениям направления.

Итак, мы поехали в закат. Мы планировали добраться до Могилёвского района за шесть часов. Для чилийца и немца это была первая поездка по впечатляющим белорусским просторам. В девяностые годы я путешествовал по этому же маршруту – даже до Москвы и обратно, – чтобы в столичной студии записать альбом «Добро пожаловать в мир». Тогда у меня была машина, но ещё не было водительских прав, и я смотрел на пейзаж с пассажирского сиденья. Пустые дороги, проходящие через бесконечные леса... Как много крови пролито на этой белорусской земле. Почти семьдесят лет назад немцы действительно варварски свирепствовали здесь. Деревни были стёрты с лица земли, население депортировано на принудительные работы или убито. Белорусские города были превращены в огромные лагеря для интернированных, из которых ежедневно доставляли заключённых в германские концлагеря. Остановить всё это смогла только Красная армия, прервавшая наступление немцев и отвоевавшая каждый метр советской земли, дорого заплатив за это. Человеческий век спустя я еду по землям этой страны – моему отцу, например, всего семьдесят лет, матери – семьдесят три. А на моей родине снова выкрикивают лозунги против России, повторяя те же доводы, что звучали накануне и Первой, и Второй мировых войн. Именно поэтому я был сейчас здесь. Я хотел быть представителем тех немцев, которые выступают за содружество, в том числе Германии и Белоруссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.